

Вильгельм Гауф

Александрийский шейх и его невольники

Станным человеком был александрийский шейх Али-Бану. Когда утром он шел по улицам Александрии в дорогом кашемировом тюрбане, в праздничной одежде и богатом поясе, стоимостью в пятьдесят верблюдов; когда он выступал медленно и важно, нахмутив лоб, сдвинув брови, потупив глаза и, каждые пять шагов, задумчиво поглаживая свою длинную черную бороду; когда он шествовал так в мечеть, чтобы, как того требовал его сан, толковать правоверным Коран, – тогда встречные останавливались, глядели ему вслед и говорили друг другу: «Ведь какой красивый, осанистый человек». «И богат, богат и знатен, – прибавлял другой, – очень богат: у него и замок у Стамбульской пристани, у него и поместья, и уголья, и много скота и рабов». «Да, – замечал третий, – а тот татарин, которого недавно послал к нему из Стамбула сам повелитель правоверных, – да благословит его пророк! – говорил, что наш шейх в большом почете у рейс-эфенди, у капудан-паши, – у всех, даже у самого султана». «Да, – восклицал четвертый, – каждый его шаг благословен небом! Он богат и знатен, но – вы знаете, что я имею в виду!» «Да, да, – шептались в толпе, – что правда, то правда, – у каждого свое горе; не желал бы я поменяться с ним долей; он богат и знатен, но, но...»

На самой красивой площади Александрии у Али-Бану был великолепный дом. Перед домом раскинулась широкая терраса, выложенная мрамором, осененная пальмами. Вечером он часто сиживал там и курил кальян.

Двенадцать богато одетых невольников, стоя в почтительном отдалении, ловили его взгляд – у одного был для него наготове бетель, другой держал зонт, третий – золотые сосуды с вкусным шербетом, четвертый опахалом из павлиньих перьев отгонял мух от своего господина, певцы, с лютнями и флейтами, ждали, когда он пожелает усладить свой слух музыкой; а самый ученый из невольников приготовил свитки, дабы развлечь его чтением.

Но напрасно ждали они от него знака: ему не угодны были музыка и пение, ему не хотелось внимать изречениям и стихам мудрых поэтов былых времен, не хотелось отведать шербета, пожевать бетеля, – даже раб с опахалом из павлиньих перьев старался напрасно – господин не замечал, когда около него жужжала муха.

И часто прохожие останавливались и дивились на великолепие дома, на невольников в роскошных одеждах, на все окружавшие его приятности; но затем, когда они переводили взгляд на сидевшего под пальмами шейха, серьезного и хмурого, не отводившего глаз от голубоватого дымка кальяна, они покачивали головой и говорили: «Поистине, этот богач – бедняк. Он, имущий, бедней неимущего, пророк не дал ему разума, дабы наслаждаться своим богатством». Так говорили прохожие, смеялись и шли своей дорогой.

Как-то вечером, когда шейх, окруженный всей земной роскошью, сидел, как обычно, в тени пальм на пороге своего дома и в одиночестве печально курил кальян, неподалеку собралось несколько юношей; они глядели на него и смеялись.

– Поистине шейх Али-Бану глупец, – сказал один из них. – Мне бы его сокровища, я распорядился бы ими иначе. Что ни день, шло бы у меня веселье и роскошество. В обширных хоромах пировали бы друзья, и радость и смех оглашали бы эти унылые своды.

– Да, оно бы не плохо, – возразил другой, – да только с многочисленными друзьями, пожалуй, быстро проживешь все имение, будь оно хоть столь же несметно, как у султана, да благословит его пророк. Довелось бы мне сидеть вечером здесь под пальмами, на этой красивой террасе, я приказал бы рабам петь и играть, я позвал бы танцовщиков, и они бы плясали, и прыгали, и проделывали всякие замысловатые штуки. А я важно покуривал бы кальян, смаковал вкусный шербет и наслаждался всем, словно король Багдада.

– Шейх, – молвил третий юноша, бывший писцом, – шейх, как говорят, человек ученый и мудрый, да и правда, его толкование Корана свидетельствует о его начитанности и глубоком знании всех поэтов и мудрых писаний. Но разве жизнь, которую он ведет, подобает разумному мужу? Вот стоит невольник с целой охапкой свитков; я отдал бы свою праздничную одежду за возможность прочитать хоть один из них, ведь все они, конечно, большая редкость. А он! Он сидит и курит, а до книг ему и дела нет. Будь я шейхом Али-Бану, невольник читал бы мне до хрипоты или до наступления ночи. Но и тогда он должен был бы мне читать, пока я не засну.

– Ишь ты! Нечего сказать, вы знаете, как устроить приятную жизнь, – засмеялся четвертый. – Есть и пить, петь и плясать, читать изречения и слушать стихи жалких поэтов! Нет, я бы устроил свою жизнь совершенно иначе. У него прекрасные кони и верблюды и куча денег. На его месте я пустился бы в путь и ехал бы, ехал до края света, до самой Московии, до франкской земли. Чтобы поглядеть на чудеса света, я не побоялся бы самой дальней дороги. Вот как бы я поступил, будь я на его месте.

– Юность – прекрасная пора, в этом возрасте все радует, – молвил невзрачный с виду старик, стоявший неподалеку и слышавший их речи. – Но позвольте мне сказать, что юность неразумна и болтает зря, сама того не понимая.

– Что вы хотите сказать, старичок? – с удивлением спросили юноши. – Уж не нас ли вы имеете в виду? Какое вам дело, порицаем мы образ жизни шейха или нет?

– Если один человек знает что-либо лучше другого, пусть он исправит его заблуждение, так повелел пророк, – возразил старик. – Правда, небо благословило шейха богатством, у него есть все, чего пожелает душа; но хмур и печален он не без причины. Вы полагаете, он всегда был таким? Нет, я видел его пятнадцать лет тому назад; тогда он был весел и бодр, как газель, жил радостно и наслаждался жизнью. В ту пору у него был сын, радость его очей, красивый и образованный; и всякий, кто его видел и слышал, завидовал шейху, владевшему таким сокровищем, – сыну шел всего десятый год, а учен он был как другой и в восемнадцать вряд ли будет.

– И он умер? Бедный шейх! – воскликнул молодой писец.

– Для шейха было бы утешением узнать, что сын его вернулся в отчий дом, в обитель пророка, где ему жилось бы лучше, чем здесь, в Александрии. Но то, что пережил он, гораздо хуже. В те дни франки, как голодные волки, напали на нашу землю и начали с нами войну. Они покорили Александрию и отсюда совершали набеги все дальше и дальше в глубь страны и воевали с мамелюками. Шейх был умным человеком и умел с ними ладить. Но то ли они позарились на его богатство, то ли он помог своим единоверцам, точно не скажу, – словом, как-то они пришли к нему и обвинили его в том, что он тайно снабжает мамелюков оружием, лошадьми и провиантом. Как он ни доказывал свою невиновность, ничто не помогло; франки народ грубый и жестокосердый, они идут на все, когда дело касается денег. Итак, они забрали заложником его сына, по имени Кайрам. Шейх предложил за него много денег, но франки хотели вынудить шейха повысить выкуп и не отпустили его сына. Тут вдруг их паша, или как там его зовут, неожиданно отдал приказ готовиться к отплытию. В Александрии об этом никто не знал, и они уплыли в открытое море, а маленького Кайрама, сына Али-Бану, они, верно, увезли с собой, так как с тех пор о нем ничего не слышно.

– Ах, несчастный отец, как покарал его Аллах! – единодушно воскликнули юноши и с сожалением посмотрели на шейха, который при всем окружающем его великолепии, грустный и одинокий, сидел под пальмами.

– Жена, которую он очень любил, умерла с горя. А он купил корабль, снарядил его и уговорил франкского лекаря, что живет там внизу у колодца, отправиться с ним в Франкистан на поиски пропавшего сына. Они сели на корабль и долго плыли по морю, пока наконец не прибыли в землю тех гяуров, тех неверных, что были в Александрии. Но там, говорят, как раз творилось что-то неладное. Франки свергли своего султана и пашей, и богатые и бедные рубили друг другу головы, и в стране не было порядка. Тщетно расспрашивали они во всех

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

городах о мальчике Кайраме, – никто не слышал о нем, и франкский лекарь посоветовал наконец шейху плыть обратно, не то, чего доброго, им самим не сносить головы.

Назад << 1 [2](#) [3](#) >> [Дальше](#)